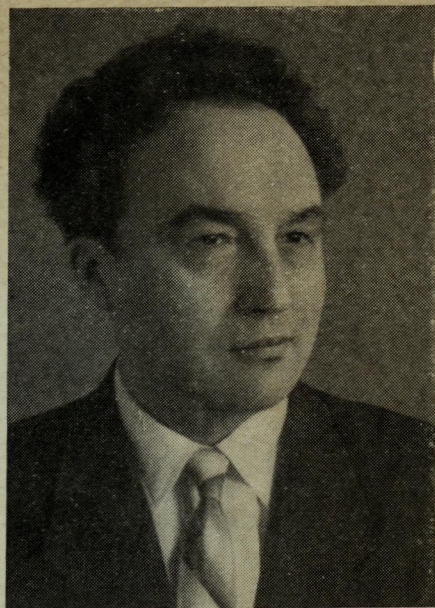

20652 - кр.
БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 32 1960

Педер ХУЗАНГАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

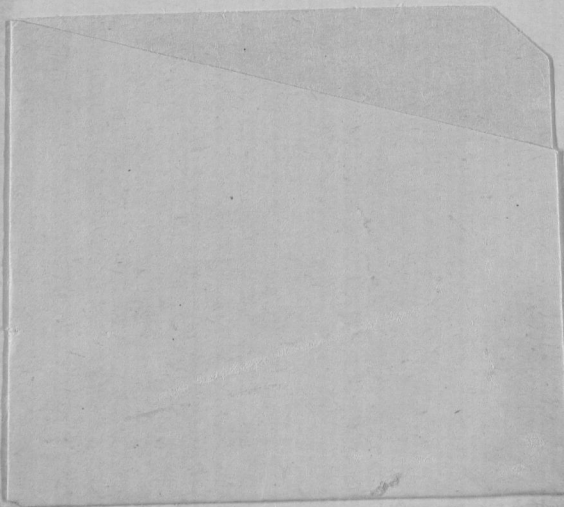
ВЫСОТА

л+

Национальная библиотека ЧР

k-020652

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

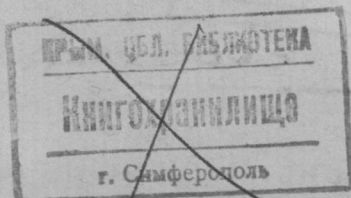
К С
Х98

Педер ХУЗАНГАЙ

ВЫСОТА

СТИХИ

Перевод с чувашского

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1960

122182

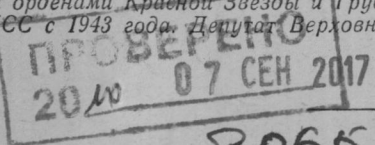
Педер ХУЗАНГАЙ

Народный поэт Чувашии Педер (Петр Петрович) Хузангай родился в 1907 году в селе Сиктерме, Татарской республики.

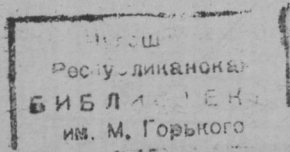
Начал печататься с 1924 года. Он издал свыше тридцати книг стихов и поэм. В русском переводе вышли следующие книги: «Дружба» (1950, Чувашгосиздат), «Поют дубравы» (1953, Москва, «Советский писатель»), «Дом в Горках» (1955, «Советский писатель»), «Избранное» в двух томах (1958, Чувашгосиздат), «Избранное» — однотомник (1958, Москва, Гослитиздат), «Семья Аптраман» — роман в стихах (1959, Чувашгосиздат).

Большое место в работе поэта занимают художественные переводы. Им переведены «Евгений Онегин», «Полтава» и лирика Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, «Владимир Ильич Ленин» и «Во весь голос» Маяковского, «Ромео и Джульетта» Шекспира, все поэтическое наследие Христо Ботева, «18 стихотворений» Мао Цзэ-дуня и др. Кроме того, он перевел на русский язык стихи и поэмы чувашского классика Константина Иванова и основоположника чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля.

П. Хузангай — участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени. Член КПСС с 1943 года. Депутат Верховного Совета РСФСР.

20652.кр

ДУБ НАД ВОЛГОЙ

Старый дуб — наш батюшка,
Чувашская народная песня.

Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как ратник закаленный.

Широколиственной, могучей кроной
Еще с любимым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.

Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя,

Во мне — все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я желудь твой.

1953

«АВРОРА»

Мне смутным представлялся город:
Соборы, крепости, цари...
Не знал тогда я, что Аврора —
Богиня утренней зари.

Когда впервые это слово
Узнало и мое село,

Оно зарницею багровой
И громом в душу мне вошло.

Я видел, как в огне пожарищ
Сгорали ложь, насилье, зло,
И обращение «товарищ»
Свой смысл великий обрело.

Приблизился далекий город:
Я видел крепко сжатый рот,
Высокий лоб и взгляд, который,
Как выстрел, устремлен вперед.

...Есть символическое в мудром
Стечении событий, в том,
Что, миру предвещая утро,
С «Авроры» грянул первый гром.
1956

Я ЖИВУ В РОССИИ

С винтовкой русской боевой
Я был в краях чужих, далеких.
И днем и ночью — в час любой —
Я чувствовал свой долг высокий.
Чем дальше от родных полей,
Тем с большей повторял я силой,
Как голос совести моей,
Как песню: я живу в России!

Чужую пыль на сапогах
Трава росистая отерла.
Над победителем врага
Родное небо распростерлось.
Чувашский ласковый язык,
Сказанья наши золотые,
Народной мудрости родник —
Все это сберегла Россия!

Я синью глаз не наделен,
Не славянин я крутоплечий,
И волосы мои — не лен,
И сердцем я чуваш, и речью.

Но я солдатом русским был,
Так звали все меня народы.
Навек я с детства полюбил
Россию — родину свободы!

1950

РОДНОЙ ЯЗЫК

В век радио и атомных открытий
Хотел бы я дожить до дней, когда
И языков связующие нити
Сплотят в одну семью людей труда.

Хотел бы я, чтоб речи доходили
Мыслителей, поэтов и вождей
В их первозданной красоте и силе,
Как свет лучей, шум ветра и дождей.

А что меня с землей, с травой зеленой,
С высоким небом, с клетотом орла
Знакомило, баюкая с пеленок? —
Родная речь наставницей была.

Всегда, везде — в кругу привычном дома
Иль далеко от наших рубежей —
Я благодарен языку родному:
Он мне открыл мир мыслей и вещей.

1951

ВЫСОТА

I

Не сетую, что не рсдился
Я раньше или позже, нет:
Я своевременно явился
На наш просторный белый свет.

Мне непонятны вздохи жалоб,
Что — ах! — талантлив имярек,
Но опоздал, что надлежало б
Творить ему в минувший век...

Другое понял я отлично:
В «тюрьме народов» никогда
Не знал бы я, что значит личность,
И не оставил бы следа.

Мне просто было б не до смысла
Единственного бытия,
Когда бы надо мной нависла
Тьма раньше, чем прозрел бы я.

А сколько юных и крылатых
В народной памяти певцов,
Чей был оборван в казематах
К свободе, к солнцу ясный зов!

II

Заботясь о насущном хлебе,
Хранил меня мой бедный род.
Как он, звездою звал я жребий
И всматривался в небосвод.

Обычай есть в моем народе —
Кричать, пока звезда летит:
«Моя звезда на небосводе!»
Пусть там, но я — в земной клетке.

Трудом, всемирным тяготеньем
К земле-кормилице прижат,
Рассвету с петушиным пеньем
Я неизменно буду рад.

Люблю я смену дня и ночи,
Зимы и лета; по весне
Люблю, как тетерев бормочет
У нас за Волгой на сосне.

Люблю я пестрый луг на солнце:
Теплынь, кузнечики куют...
И все милее, мне сдается,
Наш обжитой земной уют.

III

Еще не всюду рая кущи:
Нам хаос был в наследство дан.
Но слышно, как уж в день грядущий
Симфонией ворвался план,

И вижу я: все шире, шире
Становится та часть земли,
Куда мы, думая о мире,
Порыв свой творческий внесли.

Дробя руду, меняя реки,
Сажая сад и строя дом,
Мы думаем о человеке,
О роде нашем, о людском.

В краю, где дымные лучины
Да прятки были искони,
Покорны девушкам машины,
И новые горят огни.

А там, где ковылей султаны
Качались на ветру степном,
Отдарен труд наш неустанный
Отборным золотым зерном,

IV

«Моя звезда на небосводе!» —
С мечтой неясной я кричал.
Что, если в будущем походе
Она лишь маленький причал?..

Да, зов услышан. Я предвижу:
Потомок (может быть, мой сын)
Направит звездолет, как лыжи,
На штурм космических вершин.

А вдруг на Марсе — «сердцелюдый»,
Такой же, как и я, поэт?

Я знаю: понят им я буду
По кибернетике тех лет.

Узнает он, как тундру пальмы
Украсят на земле моей,
В какую устремились даль мы,
Чтоб осчастливить всех людей.

Предвижу я, как, Человека
Признав, вселенский мой собрат
Из двадцать первого мне века
Пошлет привет сюда — назад..

V

Какая высота свершений!
И это началось у нас,
Где партии, народа гений —
Единый монолит-алмаз.

И это началось в России,
Где ни страданья, ни нужда
Свет разума не погасили,
Что стал свободен навсегда...

Не сетую, что не родился
Я раньше или позже, нет:
Я своевременно явился
На наш прекрасный белый свет.

Особого не надо счастья
Мне от судьбы: я счастлив тем,
Что в жизни к главному причастен,
Творимому народом всем.

Наш вымпел мчится в мирозданье.
В нем труд и мой. Пути ясны.
Я слышу близкое дыханье
Коммунистической весны.

1959

О БЛИЗКОМ БУДУЩЕМ

Наш Шубашкар ¹! Порою называли
Мы стариком седым тебя... Но вот
Твое мы имя в плане прочитали,
В великом плане завтрашних работ.

И сразу ты помолодел, наш город,
Иное солнце вспыхнет над тобой.
Все взоры привлечешь к себе ты скоро,
И я увижу новый облик твой.

Наш Шубашкар! Уже сегодня Волга
Сроднилась с водами пяти морей.
Изменим мы природу, ждать недолго —
Каштаны зацветут у волгарей.

Наш Шубашкар! Морские пароходы
С тобою заведут свой разговор.
Раскинутся под мирным небосводом
Проспектов ширь и площадей простор.

Сверкающий шлифовкою металла,
Мы через волны перекинем мост;
Гирлянду ламп повесим, чтоб сверкала
И зависть вызывала бы у звезд!..

Немало песен пел народ чувашский
О дальних, о неведомых морях;
И дивные о них сложил он сказки
На волжских и на сурских берегах.

Немало есть преданий об озерах,
Соединенных с морем под землей.
И чудились на них рыбачьим взорам
Обломки мачт порою грозовой!..

Бледнеют сказки перед былью: вскоре
Советский богатырский наш народ
Еще одно создаст на Волге море
И, может быть, Чувашским назовет.

¹ Шубашкар — Чебоксары.

От моря этого по нашей воле
Незримой молнией помчится ток,
Электротракторы я вижу в поле,
Электровоза слышу я гудок.

И вижу я: до самого рассвета
Горят, как в ночь большого торжества,
Об электричестве и о Советах
Пророческие Ленина слова...

1952

ТАТАРСТАНУ

1

Чуваш, рожденный в Татарстане,
Всегда я помню край родной.
Нет-нет и детство вдруг предстанет
Живой картиной предо мной:
Я вижу тех далеких лет
Неповторимо ясный свет.

Мальчишки в тюбетейках ярких,
Мои ровесники, друзья!
Где вы, игравшие в день жаркий
На солнцепеке у ручья?
В какой теперь вы стороне
И помните ли обо мне?

Разгоряченные, босые,
Носились мы в степной пыли
И разбрелись по всей России,
Родные бросив ковыли.
Но детство... детство наше там,
По тем же бегают местам.

В соседних памятных селеньях
Татарин, русский и чуваш
Зовут друг друга с уваженьем
И п т э щ, т о в а р и щ и л ь ю л д а ш.
Единый смысл трех разных слов
Понятен испокон веков.

Казань! Тебя ли позабуду?
 Закрою я на миг глаза —
 И вижу вновь тебя, как будто
 Вчера лишь был с тобой, Казань!
 Но где та первая мечта,
 Что так была робка, чиста?

То было утро нашей жизни.
 Отдернут полог голубой:
 Мы все предстали пред отчизной,
 И каждый — пред самим собой,
 С гудками наступавший день
 Нам был, как новая ступень.

Казань! И песня молодая
 Тобой взлелеяна моя.
 Мой первый опыт одобряя,
 В меня поверили друзья.
 Поэт Кутуй, Такташ-поэт
 Давали добрый мне совет.

Я в сердце сохраню навеки
 Их дорогие имена.
 Ничто не вечно в человеке,
 Но мысль творящая — вечна.
 Пусть в нас пребудет до конца
 Дерзанье смелое творца!

Порой сходились мы на вечер
 В старинный университет.
 Шумны студенческие встречи,
 Многозначителен привет
 Коротких вздохов, быстрых глаз,
 Улыбок и шутливых фраз.

Любовь и ревность сердце ранят:
 То буря в нем, то легкий бриз.
 Экзамен. А тебя заманит
 Плес Волги, островок Маркиз.
 И дождь не дождь и зной не зной —
 Ты бродишь с книгой день-деньской.

Костер горит среди палаток,
Дымится в котелке уха.
Пусть солнце клонится к закату,—
Огню не скоро потухать.
И долго звезды в вышине
Внимают песням и весне...

Живи, Казань! В машинном гуде
Цвети и крепни, Татарстан!
Пусть каждый день твой светлым будет
В содружестве племен и стран.
Приветствую твою зарю,
Как сын тебя благодарю!

1952

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПУШКИН!

...К нам навстречу плыла виселица, утвер-
жденная на плоту,— три тела висели на пе-
рекладине... Полная луна озаряла обезобра-
женные лица несчастных. Один из них был
старый чуваш.

А Пушкин.

1

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешней вал:
По селам края моего родного
С «Онегиным» тогда я разъезжал.

...Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азиям;
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, всюду поспевая,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.
А ветер чью-то песню допевает
И колокольчика доносит звук.

Там где-то, по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный — пленником в отчизне,
И нет конца колдобинам пути.

Один, один... Покажется и сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосую,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся в безбрежье Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
Попробуй вслух хоть раз о них вздохнуть!

Буларин, царь, тупая чернь в ливрее...
Сверкнул белками он, сжав крепко рот,
Медвежья шуба греет и не греет,
На бакенбардах — инея налет.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип, да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

2

Вон юный месяц рыбкой золотою
Ныряет в редких тучах над леском:
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Мой удивлен водитель.
Я с ним сам-друг. И больше никого?
Нет: с нами третий, не набором литер —
Живым и близким чувствую его.

Теснее, Пушкин! Мягкое сиденье
Удобно ли? Тепло ли вам, поэт?
Позвольте мне сказать о том, что бденье
И сон мой заполняло много лет.

Давно все это было... Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп...
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошли вы сквозь лучинную тоску.

В бревенчатой лачужке под соломой,
Где каждый угол прятал темный страх,
Вставала даль маняще незнакомой
В певучих и размеренных строках.

Осенними ночами долго, молча,
Облокотясь, сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как с болью в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В кудрях лицейских, как лиана, цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах — еще надутых, полудетских —
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,
Подкидьш-ветер, плачущий так горько,—
Все обретало смысл иной...

3

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной,

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,
И бремя нес вопросов без ответа
На высший суд, что в вас избрал себе.

Хотелось мне не для капризной славы
Подняться над вседневной суетой:
«Прекрасное должно быть величаво!» —
Звучало, отнимая мой покой.

Я понял: жизнь серьезней маскарада,—
Не сменишь лик по прихоти своей,
И то, что принимаешь за награду,
Порой злой шутки обернется злей.

У певчих птиц есть миг самозабвенья,
Когда, смыкая веки круглых глаз,
Они зальются чистым вдохновеньем,
Вот так я без оглядки пел подчас.

А жизнь не только праздник. Не пристало
Беспечной песней каждый день встречать,
И в поэтический бокал немало
Пришлось воды мне трезвой подмешать.

Долг рос. Не выплатил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять мне к вам в учение идти.

И вот я вашим толмачом¹. Татьяна
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью²,

Но, любознательная по природе,
Она вникала чутко в разговор,
И «полурусской» прослыла в народе
Подруга черноокая с тех пор.

Что ж! Пусть во мне потоков двух слиянье
Вскипает благотворною волной.
Не гордый внук славян, но — россиянин —
Хочу я русский знать, как свой родной...

...Я вам внимал, часов не слыша боя,
И, в каждом звуке точный смысл ища,
Хотел добыть его ценой любовью,
Но как моя сума была нища!

Благодарю я вас за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В иных созвучиях души иной!

О миг неповторимый пррссветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в джунглях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

¹ Автор перевел на чувашский язык «Евгения Онегина», «Полтаву» и много лирических стихотворений Пушкина.

² Тухья — шлемообразный девичий головной убор, расшитый разноцветным бисером.

Дороги наши — точно ямб проворный,
Летит наш огнеглазый аргамак.
Снега, снега... и вдруг — на белом черный —
Кондовый лес открылся на холмах.

Стоят дубы, что знали Пугачева,
Что в памяти клич Разина хранят;
Стоят, шумят по-зимнему сурово,
Но о весне привольной говорят.

Смотрите, как, разросшись в три обхвата,
До облаков вознесся старожил.
Переживет меня он, как когда-то
И вас и век ваш бурный пережил.

Но нам ли быть в рабах у жизни тленной,
Зависящей от фазы звезд и лун?
Ваш стих, как вызов правилам вселенной,
Бушует всенародно, вечно юн.

Лети, машина, будоража сердце,
Врезайся с ходу в светлые века!
Но здесь... позволим мы откинуть дверцу:
Нас ждет очаг,— передохлаем слегка...

Заметьте: нету перекатной голи,
И каждый новый шаг осмыслен наш.
По Волге плыл, качаясь под глаголем,
В крови тонул, но выжил — жив чуваш.

Он сердце настезь вам открыл сегодня,
Встречая, как родного, у ворот.
Любовь народа Волги полноводней:
— Пройдите, гость наш дорогой, вперед!

За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем, да не остынет дружбы жар.
До дна! А если мало — звезды с неба
Мы зачерпнем литым ковшом Стожар.

1937—1949

МУШАЙРА

Есть старинный индийский обычай:
Мушайра — состязанье поэтов.
Но не в Дели, не в дальней Калькутте,
А в Ташкенте увидел я это.

В переполненном зале театра
Сотни радостных глаз заблестели.
А на сцене, под голубем белым,
Полукругом поэты сидели.

Зульфия, улыбаясь радушно,
Заняла председателя место.
Как воспрянувшей Азии символ
Я увидел ее, поэтессу.

Зазвучали слова дружбы, мира
На десятках различных наречий.
В них любовь, и борьба, и страданье —
Все, чем сердце живет человежье.

Встал Турсун. Он, волнуясь, стихами
Говорит о таджикском народе.
О, язык Рудаки! Словно голос
Через тысячу лет к нам доходит!

Эми Сяо, посланец Китая,
Стих назвал выразительно: «Тише!»
Смысл его понимаем отлично —
Раньше, чем переводчика слышим.

Анатолий Софронов припомнил,
Как английский учил с другом в Дели,
И стихи «Я люблю вас» — с рефреном
«Ай лав ю» — по рядам полетели.

На трибуне Хикмет. Гром оваций.
Он «Ангину пекторис» читает,
Что отправить сумел из неволи
К другу-греку. Поэт вспоминает:

Был на родине друг в заточенье,
Но, не сломлен тяжелым страданьем,
Он на строки борца и собрата
Вдохновенным ответил посланьем.

20652

Республиканская библиотека

Чувашская
Республиканская
Библиотека

И в Ташкенте свободном два друга
Повстречались как единоверцы.
Обнялись. Я услышал, как часто
Застучало в груди мое сердце.

Вот и грек Менелаос Лудемис.
Он читает стихи, что Хикмету
Были посланы им из застенка.
Зал с восторгом внимает поэту.

Притам Синга Сафир из Пенджаба...
Встав степенно, он песнь запекает.
Песней вторит ему гость из Бирмы,
Филиппинец бирманца сменяет.

Выступает поэт Леонидзе,—
Перевод посвящая индийцам,
Декламирует страстно Тагора
На своем языке, на грузинском.

Ахмад ал-Азгари, сомалиец,
Нараспев по-арабски читает.
А Рустам Сулейман, наш бакинец,
Стих арабским друзьям посвящает.

Камбоджиец, цейлонец, кореец...
Мед поэзии пьем полной чашей!
И Гамзатов Расул вместе с нами,
И Карим из Башкирии нашей.

Пакистанец Хафиз Джаландхари
Напевает: «Друзей не гневите,
Вместе жить нам и вместе бороться,
В сердце только любовь поселите...»

Мушайра развернулась на славу —
Не для двух континентов, а шире.
И Гонсалес Туньон, аргентинец,
Говорит по-испански о мире.

Выступает румын Майореску,
Ангел Тодоров — друг мой болгарский,
Сын албанских хребтов Фатмир Гьята,—
Словно ветер ворвался балканский.

Снова Индия, снова арабы,
Песни сердца звучат, не смолкая.
Вышла в черной и строгой одежде
Се Бин-синь, поэтесса Китая:

— Я сегодня стихи написала
Об одном... чтоб мы встретились снова,
Их хотела бы так озаглавить:
«О Ташкенте заветное слово»...

И в устах этой женщины хрупкой
Звуки стройные словно запели,
Словно кто-то для всех эту песню
У всеобщей сложил колыбели.

Все в немногих словах я услышал:
Щебет ласточки, шелка шуршанье,
Колокольчиков звон караванный
И ташкентских арыков журчанье...

«Дух Ташкента!» — крылатым здесь стало,
И поэтов сменяют поэты...
Им девчонки в узбекских нарядах,
Улыбаясь, подносят букеты...

Ташкент.

Октябрь, 1958

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ

1

Когда краса и гордость дома —
Петух наш — трижды пропоет,
Я подхожу к окну двойному,
Смотрю спросонок на восход.

Зарею желто-розоватой
Подернут неба узкий край.
В степи алеет снег по скату.
И вдруг, как будто невзначай,

Сковородою раскаленной
Всплывает солнца красный диск.
На стеклах, словно золоченых,
Цветы нездешние зажглись,

Морозно. Дом простыл к рассвету.
Я выхожу: топить пора.
По завещанию поэта,
Дрова колю среди двора¹.

Поленья мерзлы, суковаты,
Удар — и отскочил топор.
Но бьешь да бьешь по ним, пока ты
Не кончишь этот долгий спор.

Вот так и с первой строкою:
Не те слова, не тот накал,
И рифмы врозь... Но нет покоя,
Пока на след ты не попал.

Готовит завтрак мать-старуха,
Блины гречишные шипят.
Зимою в стужу-завируху
От них теплее, говорят.

Вот заскрипели половицы:
Мать чай несет. Клубится пар.
И важный, словно сват, садится
В конфорке-шапке самовар.

Но я о прозе забываю,
Сев за рабочий стол к окну,
И вновь тетрадку открываю,
В окно уставясь на сосну.

2

Сосна шумит. Сугроб за нею
Напомнил чем-то мне Казбек.
А вон, замерзшая, синее
Инча — светлейшая из рек.

Я не сравнил бы с морем целым
Теперь одной ее струи:
На берегу, под снегом белым,
Там детские следы мои.

¹ Поэт М. Сеспель (1899—1922) писал: «Пусть поэт дрова поколет».

Там, засучив штаны, бродила
Моя недоля сиротой
И старым решетом ловила
Рыбешку мелкую весной.

Какое все же это счастье,
Когда колючий первый ерш
Заплещется в нехитрой снасти! —
На всю окрестность заорешь.

А летом, в жаркую погоду,
Мы в день купались раз по семь.
Чуб высох — значит, снова в воду,
Ныряй по омутам по всем!

Обвеян дальними ветрами,
Пропитан солью трех морей,
Смотрю на речку в зимней раме
И знаю: нет ее милей!

На берегу все те же ивы,
А дальше — ферма за рекой;
К ней, вижу, на коне ретивом
Подъехал бригадир рысцой.

Там симментальские телята,
Бараны-мериносы там.
Все стало явью, что когда-то
Показывали в книжках нам.

Там, над Инчой моей жемчужной ¹,
Стоит высокий светлый дом:
То штаб артели нашей дружной, —
Недавно побывал я в нем.

Там в раме Константин ² мечтает,
О лучшем думы затая;
В другой узнал портрет Тукая,
Татарского поэта, я.

Ровесники, друзья по духу,
Они — с народом, что навек
Похоронил соху-старуху
И корень нищенства подсек.

¹ Инча — по-чувашски жемчуг.

² Константин Иванов (1890—1915) — классик чувашской поэзии.

Шумит сосна. Я поработал.
Петух не зря пропел зарю.
Пусть нелегка моя забота —
Всегда я правду говорю.

По правде ж — здесь еще не праздник:
Колхоз наш не миллионер,
Соломой ветер с крыши дразнит.
И вид села довольно сер.

Не все мы носим драп, на многих
Домашнего сукна кафтан.
Еще не в фетр обуты ноги,
И кочедык в музей не сдан,

Но под соломенную крышей
Уже иных событий ход.
В названьях улиц даже слышно,
Как новь великая растет.

Вот, например, я жил на Задней,
И в детстве думал часто я:
«Ужели будет неприглядной
Вся жизнь, как улица моя?»

А нынче, подойдя под вечер
К селу родному — не гадал! —
На крайнем доме, на дощечке,
Я имя «Пушкин» прочитал.

Гляжу, столбы под снежной пеной,
Распелся ветер в проводах;
Стоят над крышами антенны,
Потемок предвещаая крах.

Теперь, я знаю, в доме каждом
В тиши чувашских сел стучат
Сердца родных моих сограждан
Со всей советской жизнью в лад.

Свои усилия умножая
Без шума и без лишних слов,
Здесь люди знают: урожай —
Удар по проiscaм врагов.

Они не ждут указов сверху,
А поклялись: не хуже всех
Заштопать каждую прореху
И каждый запахать огрех.

Я видел их: вчерашний воин,
Парторг сегодня, в тишине,
Как над двухверсткой перед боем,
Сидел над книгой при огне.

И схему севооборота
Готовит председатель наш.
С артелью, как, бывало, с ротой,
Он совершит победный марш.

Они прошли, солдаты наши,
Европу вдоль и поперек:
Румынские заплаты-пашни,
Немецкий серый супесок,

Австрийские луга, долины
Болгарских роз, венгерский лес —
Все памятно бойцам доньне,
Но лучше нет родимых мест.

4

Шумит сосна. Уже над нею
Зажглася Ужина Звезда¹.
Окно синей, в избе темнее...
Подтопку топим, как всегда.

В золе печем «картошку в шубе»,
Поспела — словно бы мячом
Играя, обжигая губы,
Едим ее мы с варенцом.

Все так же в полумраке синем
Мигает свет — «цъплячий глаз»,
Все так же пахнет керосином
По вечерам в избе у нас.

¹ Звезда Ужина — Сириус.

Но уж коптилки стали редки,
Есть свет другой верстах в пяти;
По воле нашей пятилетки
Не сможет нас он обойти.

За огоньком неяркой лампы
Я вижу нового черты.
Пишу — и воплощают ямбы
Мои заветные мечты...

5

Шумит сосна... Крепчает ветер.
Знать, до утра не жди добра.
Зарядкой будет на рассвете
Уборка снега со двора.

Завьюжило кругом... Вздыхает,
В ладонь покашливая, мать.
А боль в ноге напоминает
О Сталинграде мне опять.

Но вот на огонек заходит
Сосед мой, гвардии солдат.
Привет. Два слова о погоде.
Я оживаю, гостю рад.

О маршах говорим, о фронте,
Но не за тем, чтоб вновь там быть,
А чтобы в грозное «Не троньте!»
По праву голос наш включить.

Пусть воин покалечен в танке,
Пусть тих и скромн он на вид,
Но ворс его простой ушанки
След от звезды еще хранит!

Мне кажется, что отпечаток
Такой же на душе моей.
Взгляну я на руку в перчатке —
И будто боль в ноге слабей.

А речь идет уж о плотине,
О стройке ГЭС — в счастливый час! —
О свекле сахарной, о дыне,
О многом, что волнует нас...

6

Шумит сосна, как будто, в жизни
Немало передумав дум,
Она мне хочет об отчизне
Поведать все под этот шум...

Бывает, что хранитель древний
Преданий и легенд ко мне
Заходит на чаек вечерний
Потолковать о старине.

Какой родник живого слова!
Бесценна каждая струя.
И жадно впитываю снова
И снова все до капли я.

Когда сказитель седовласый
Смолкает, новый гость опять:
Поэт, школяр восьмого класса,
Приносит мне свою тетрадь.

Я вслух стихи его читаю.
Он, шейным вязаным платком
Как будто снег с лица стирая,
Бормочет: — Лучше вы потом...—

Тогда мы, по слогам хорей
Да ямбы мера, шутим так:
Пока огонь горит, скорее
Разжечь бы новый нам очаг!

Мы о чувашских полугласных,
Об удареньях говорим...
И представляется мне ясно:
Я — мост от старых к молодым,

Пусть годы-волны бьют о сваи,
Расшатывая их,— вперед
И прямо, юность боевая,
Бесстрашный, дерзкий вездеход!

Столбы — поэмы, а доскою —
Мой каждый стих, и вот настил.
Его не варом, не смолою,
А кровью сердца я полил.

Там впереди счастливый берег,
Там радуга цветов живых.
Держайте! Будете, я верю,
Там молоды навеки вы.

И там звенеть чувашской речи.
Я вижу: берег недалек.
Плечо к плечу! Держитесь крепче.
Раздайся, дружный топот ног!

Шагайте по мосту, потомки,—
Его я выстроил для вас —
И песни счастья пойте громко,
Мой голос вспомнив в добрый час!

7

Сосна шумит в ночи глубокой.
Не спится. Кровь стучит в висках,
Я вижу город мой далекий
И ту, что всюду мне близка.

В воображенье нахожу я
Слова, всех прочих слов нежней,
Слова, которых не скажу я,
Быть может, никогда при ней.

И я зову: вперед и выше!
Пусть ветер лют и крут подъем,—
Твой каждый вздох в пути я слышу,
Идти нам до конца вдвоем.

Вперед и выше! Коль погаснуть,
Так самой яркою звездой!
Чтоб ослепительный и ясный
Зажегся свет от нас с тобой...

Пора! День новый недалеко!
Сосна уснула. Жар потух.
Вновь свет зари встает с востока,
Вновь на дворе поет петух,
1948

КОНИ

Мальчишки из нашего дома
В лошадки играют с утра.
С далекой поры мне знакома
Задорная эта игра.

И сон меня дальний тревожит,
Глаза лишь прикрою едва...
Мне года четыре, быть может,
А может быть, три. Или два.

На лавке отец-горемыка
Все лапти плетет у огня
Да, отдыха ради, из лыка
Коней мастерит для меня.

Я ставил их на подоконник,
Часами разглядывал их.
Ну, что за отменные кони —
Нигде не отыщешь таких!

Короткие ноги упруги,
А уши торчат высоко.
И лишь не хватает подпруги,
Чтоб сесть и скакать далеко.

Но конь уже цокал копытом
И пыль по дорогам клубил...
Не в том ли году позабытом
Я так лошадей полюбил!

И позже, в базарную давку,
Где звякала потная медь,
Я шел не за пряником в лавку,
А шел лошадей поглядеть.

Знакомый торговец-татарин
Давал мне кобылу свою,
И шел я, копейкой отдарен
За то, что ее напою.

Трусил я к реке по проселку.
Копейка ли тут дорога:
Хоть сам я чуть выше седелки,
Смотрю же на всех свысока!

Стараюсь держаться степенней,
А повод натянут в руках,
И задраны выше коленей
Штаны у меня на ногах...

А в ярмарку — помню доселе
Как самое яркое в ней
Мелькающих на карусели
Раскрашенных пестро коней.

Все мимо неслось и летело,
И мерно дрожал подо мной
Со странною кличкой Отелло
Гривастый конек вороной.

Слегка меня в сторону валит,
А конь удивительный тот
Вот, кажется, зубы оскалит,
И гривой взмахнет, и заржет.

Полшага, еще лишь полшага,
И вздыбится вместе со мной...

Куда ты несешься, коняга?
Где спустишь меня, вороной?

1956

БАКЕН

М. Я. Сироткину

Когда плывешь по Волге в час ночной,
Скрывается и вспыхивает снова
На черной глади зеркала речного
Неяркий свет. Он словно глаз живой.

Над Волгой тьма сгущается сурово,
Но, сумрачной колеблемый волной,
Не меркнет огонек над быстринной,
Во мраке ободряя рулевого.

Не каждому дано быть маяком,
Несущим в море свет свой благородный.
Желал бы я хоть малым огоньком
Светить над нашей ширью полноводной,
Как друг, он рулевому говорит:
— Горю, не гасну. Путь вперед открыт!

1949

У АРКАДИЯ ГАЙДАРА

Украинские троянды-розы,
Груши и черешни... и одна
Молодая, тонкая береза.
Кем же здесь посажена она?

Пионер какого был отряда
Тот, кто позаботился, принес
К изголовью воина наградой
Арзамасский шум родных берез?..

Память мне Гайдара сохранила:
Под шинелью скромною бойца
Что-то вечно детское в нем было,
Что присуще истинным творцам.

Это чувство, не дробя на части,
В чистоте первичной сохранить —
Для художника большое счастье!
Не оно ли к детским душам нить?

1952

ГЛАЗ ВОЛГИ

Стоят леса в серебряном уборе,
И толщиной в аршин зеленый лед
Уже сковал течение волжских вод.
Хоть яростна зима в своем напоре,

Но полынья на ледяном просторе
Кругла, светла всю зиму напролет.
Она стихию победила в споре.
«Глаз Волги» — так прозвал ее народ.

Неистовствует стужа, иней блещет,
Но, льдом не покрываясь, полынья
Все медленно колышется и плещет...

Проходят годы, но желал бы я,
Чтоб, не одевшись льдом ни на мгновенье,
Всю жизнь плескалось в сердце вдохновенье.

1949

СОДЕРЖАНИЕ

Дуб над Волгой. Перевел автор	3
«Аврора». Перевел автор	3
✓ Я живу в России. Перевел М. Рудерман	4 ✓
Родной язык. Перевел автор	5
Высота Перевел автор	5
О близком будущем. Перевел автор	9
✓ Татарстану. Перевел автор	10 ✓
Здравствуйте, Пушкин! Перевел автор	12
Мушайра. Перевел автор	17
От зари до зари. Перевел автор	19
Кони. Перевел Ю. Левитанский	27
Бакен. Перевела В. Потапова	29
У Аркадия Гайдара. Перевел автор	29
Глаз Волги. Перевела В. Потапова	30

Педер (Петр Петрович) Хузангай
ВЫСОТА

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 07142. Подписано к печати 3/VIII 1960 г. Тираж 150 000. Изд. № 1391.
Заказ № 1888. Формат бумаги 70×108^{1/16}. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

40 коп.

0,05

с 1/1 1961 г. цена 4 коп.

ПРИ ДВИЖЕНИИ ПОЕЗДА

не открывайте двери
вагона,

ТАК КАК
от неожиданного толчка

**МОЖНО УПАСТЬ
ПОД ПОЕЗД**

Министерство путей сообщения